

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертационной работе Александра Николая Сергеевича
«Русские переводы первого соборного послания апостола Петра
(богословский и лексико-семантический анализ)»,

представленной на соискание ученой степени кандидата теологии
по специальности 5.11.3. Практическая теология
(по исследовательскому направлению: православие)

Исследование Николая Сергеевича Александра представляет собой сравнительный анализ наиболее значимых и получивших распространение переводов первого послания апостола Петра на русский язык, начиная с Синодального перевода второй половины XIX века и заканчивая переводами текущего столетия. **Актуальность** такого исследования на материале одной из книг Библии несомненна в связи с дискуссионностью переводческих стратегий и конкретных решений, активным обсуждением в обществе большинства переводов Библии на современный русский язык и не решенной до сих пор окончательно проблемой доступности содержания литургических текстов для верующих, которая имеет, среди прочего, миссионерский характер. Сравнение проводится с учетом греческого оригинала послания и церковнославянского богослужебного текста Апостола, в актуальной редакции Елизаветинской Библии 1751 г. — это позволяет Николаю Сергеевичу Александру аргументировать успешность переводческих решений и описывать в каждом из переводов баланс между связью с традицией в истории текста Священного Писания и стремлением сделать текст послания как можно более понятным.

Автор диссертационного исследования впервые в истории изучения и осмысления текста первого послания апостола Петра на русском языке последовательно рассматривает лексические разночтения в текстах

представительного круга переводов. Максимальная полнота в рассмотрении текста Апостола — как в отношении объема текста послания, так и в отношении варьирования языка послания в русскоязычной традиции XIX-XXI вв. — определяют безусловную **новизну** представленной диссертации.

Привлечение к исследованию дополнительного уровня осмысления текста Библии — толкований святых отцов — придает работе Николая Сергеевича Александрова несомненную **практическую значимость**, так как позволяет выделить наиболее значимые культурные коннотации в семантической структуре слов, что может быть использовано при последующих переводах первого послания апостола Петра на современный русский язык. Применительно к каждому конкретному стиху послания автор исследования учитывает толкования, позволяющие осмыслить причины расхождения в подборе переводчиками эквивалентов. Благодаря этому автор реализует принцип **полноты** данного компонента своего исследования.

Диссертация вносит вклад в **теоретическую** проблематику, связанную с подходами к переводу Священного Писания на современный русский язык в условиях особой языковой ситуации и с учетом роли церковнославянского языка в процессе становления литературного языка в России. Первостепенной для Николая Сергеевича Александрова является теологическая проблематика, и в качестве теоретической базы исследования заявлены богословские труды толкователей Библии. В то же время в структуре работы значительное место занимает рассмотрение собственно лексико-семантических особенностей, характерных для словоупотребления анализируемых переводов. В связи с этим, на наш взгляд, к теоретической базе диссертации можно было бы отнести и лингвистические работы, обосновывающие и разрабатывающие принципы лексико-семантического (компонентного) анализа.

Общая структура диссертационного исследования Николая Сергеевича Александрова не вызывает вопросов, так как непосредственно соотносится с содержанием анализируемого соборного послания апостола Петра. В каждой

из исследовательских глав рассматривается одна из общих богословских тем, затронутых в послании — сотериологические вопросы (Глава 2), проблемы межличностных и социальных взаимоотношений (Глава 3) и вопросы христианской жизни в преддверии Божественного Суда (Глава 4). При рассмотрении каждой из этих сфер Николай Сергеевич Александров анализирует особенности раскрытия религиозно-философской проблематики в первом соборном послании, прямые и скрытые переклички послания с Евангелием и книгами Ветхого Завета, традицию экзегезы отдельных стихов. На этом фоне детально рассматривается языковой лексический материал параллельных контекстов разных переводов послания на русский язык и оценивается традиционность или новизна принятого переводческого решения, степень соответствия семантики слова в греческом оригинале послания и его соответствия в переводе с опорой на данные словарей. Отметим действенность такого многокомпонентного подхода к анализу текста, позволяющую Николаю Сергеевичу Александрову объективно оценить качество перевода. Например, при анализе стиха (1Пет. 3:14) в Главе 3 автор исследования обращает внимание на наличие в греческом тексте той же лексемы (μακάριος), что и в заповедях блаженств в Евангелии от Матфея (с. 125); в переводе Радостная Весть в этих двух случаях для перевода формы μακάριοι выбраны разные средства — *блаженны* в Евангелии и *счастливы* в Апостоле. Это, по мнению Николая Сергеевича Александрова говорит «о некоторой непоследовательности переводчиков, поскольку термины употребляются в одном значении» (с. 125).

Отдельное внимание при анализе семантической структуры слов автор диссертации обращает на прагматический аспект — потенциальное восприятие переводческого решения носителем современного русского языка. С этой целью к рассмотрению в работе привлекается не только отдельное конкретное значение слова в контексте, но, по данным словарей, отмечается весь круг близких использованному значений и оттенков значения слова в современном русском языке. Это дает возможность в ряде

случаев проследить ассоциативный круг использованного слова. В частности, слово *благодать*, использованное в части переводов стиха (1Пет. 1:13), как отмечает автор, «все же ассоциируется у современного человека с “добротой, счастьем, умиротворением, благоволением Божиим, состоянием удовлетворенности и душевного покоя”» (с. 89), в связи с чем, по мнению автора, в большей степени подходит для перевода в данном случае, чем другие варианты перевода.

При основном интересе Николая Сергеевича Александрова к проблематике теологии одной из задач исследования автор ставит себе «провести лексико-семантический анализ переводов первого соборного послания Петра» (с. 6); кроме того, учет лексической семантики предусматривается некоторыми из положений, вынесенных в диссертации на защиту — положения № 2, 5 и 6 (с. 10). При проведении этой составляющей своего исследования автор опирается в первую очередь на описание лексических значений слов в словарях (в сноске 16 работы приводится их выборочный список). Реализация лексико-семантического аспекта в работе и методика использования словарных данных автором вызывают ряд вопросов.

Во-первых, список словарей, приводимых автором в упомянутой сноске, не совпадает с набором словарных изданий, к которым Николай Сергеевич Александров обращается в практических главах своей диссертации. В первую очередь это относится к словарям русского языка, описывающих разные этапы его истории. В частности, в сноске упоминается толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова, который в работе привлекается всего один раз — при обсуждении слов *плен* и *страх* на с. 152. При этом в изначальный список словарей не включено новейшее издание академического словаря — «Большой академический словарь русского языка», выходящий с 2004 г. и уже описывающий современную лексику до буквы С; хотя этот словарь привлекается при анализе слов чаще, чем словарь Д. Н. Ушакова.

Во-вторых, выбор того или иного словаря при анализе слова в диссертации Николая Сергеевича Александрова не во всех случаях

достаточно мотивирован. Анализируемые переводы послания апостола Петра относятся к разному времени: Елизаветинская Библия — это редакция, подготовленная в XVIII веке, Синодальный перевод, как известно, готовился в середине XIX века, перевод под редакцией М. П. Кулакова был выпущен в 2015 г. и т. д. Для определения круга значений слова в каждом из переводов предпочтительно выбирать наиболее близкий по времени выхода словарь. Например, при разборе слов из церковнославянского текста можно было бы привлекать «Словарь русского языка XVIII века», в число источников которого включена Елизаветинская Библия; также церковнославянский текст Апостола является одним из источников «Большого словаря церковнославянского языка нового времени», вышедшего на буквы А–З. Упомянутые словари Николай Сергеевич Александров в работе не использует. Обратим внимание, что материалы «Словаря русского языка XVIII века» были бы особенно ценны при анализе стиха (1Пет. 1:13) на с. 87. Глагол *препоясать* в этом стихе употребляется в метафорическом значении, чему Николай Сергеевич Александров не уделяет достаточного внимания; семантическая разработка этого глагола в недавно вышедшем 23 выпуске словаря XVIII века показывает частотность и разнообразие примеров использования слова в переносных значениях (см. выпуск 23, с. 338–339).

В-третьих, остается неясным принцип, по которому автор исследования обращается к материалам того или иного словарного издания. Например, по какой причине словарь под ред. Д. Н. Ушакова было необходимо использовать только при анализе двух слов из первых стихов третьей главы послания? Ссылаясь на этот словарь (а также на том академического толкового словаря, вышедший в 1959 г.), Николай Сергеевич Александров обсуждает «современное восприятие» слова *плен*, хотя в этой ситуации логично было бы обратиться к более позднему изданию «Большого академического словаря». Еще менее понятно, когда при разборе словоупотребления в современных русских переводах используются исторические словари. Так, при анализе стиха (1Пет. 1:1), обсуждая слова

пришелец и *избранный*, Николай Сергеевич Александров ссылается на «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (с. 61), а словарь современного русского языка используется только как дополнительный. Аналогично в диссертации анализируются многие другие слова, что вызывает вопросы об оправданности такой методологии с точки зрения исторического развития русского языка. И наоборот — при анализе слов из церковнославянского перевода Апостола Николай Сергеевич Александров в некоторых случаях прибегает к словарям современного русского языка (например, слово *многочестнѣйше* на с. 73), что также неоправданно с исторической точки зрения, что особенно явно для слов, отсутствующих в русском языке. Также при обсуждении семантики отдельных греческих слов автор рецензируемой работы пользуется словарями русского языка; в частности, разбирая форму ἀνεκκλήτω на с. 75, автор ссылается на «Словарь русского языка XI–XVII вв.», хотя в статье *несказанный* данного словаря интересующее Николая Сергеевича Александрова греческое соответствие не приводится (аналогично даны ссылки на словари русского языка при рассмотрении греческой формы παρακύψαι на с. 86). Чем руководствовался автор диссертации при выборе словаря в перечисленных и подобных им случаях?

Возможно, некоторые толкования значений, приведенные в работе, были получены обобщением данных нескольких словарей. Например, для слова *смущение* на с. 160 Николай Сергеевич Александров предлагает определение ‘волнение, буря, смущение, гонение, хаос, смятение’ со ссылкой на словари XI–XVII вв. и современного русского языка, в которых нет буквального соответствия этой формулировке. Предложенное толкование было получено объединением нескольких значений из указанных словарей?

В-четвертых, не всегда убедителен, на наш взгляд, выбор одного из значений применительно к рассматриваемому контексту. Показательный пример — при разборе слова *наследство* из переводов стиха (1Пет. 1:4) Николай Сергеевич Александров ссылается на значение «имущество, переходящее после смерти его владельца новому лицу» (с. 65), что очевидно

не подходит к контексту, так как речь идет о *наследстве, хранящемся на небесах* для человека; в большей степени было бы уместно сослаться на оттенок значения ‘то, что оставлено кому-л. в пользование’ («Большой академический словарь русского языка». Т. 11. С. 371). Также при определении семантики слова *пышный* в стихе (1Пет. 3:3) Николай Сергеевич Александров предполагает значение ‘мягкий, пухлый, рыхлый, легкий’ (с. 154), что, на наш взгляд не подходит к характеристике прически, т. е. здесь следовало бы выбрать 3-е значение слова по «Словарю современного русского литературного языка» — ‘великолепный, роскошный’. Предлог *через*, относящийся к Иисусу, на наш взгляд, применяется в переводе в значении ‘при помощи или посредстве кого-нибудь’, а не в пространственном, указанном в работе (с. 171). Отдельные утверждения автора работы при сравнении вариантов перевода оставлены без ссылок на словарные описания, хотя, на наш взгляд, такие ссылки усилили бы аргументацию. В этом отношении привлекает внимание утверждение на с. 76: «Стоит отметить согласие переводов ПЕК и РВ при выборе лексики *ликуете* при передаче глагола ἀγαλλιάσθε, что полнее раскрывает смысл» — здесь можно было бы сравнить значения слов *радоваться* и *ликовать*, использованных в разных переводах, по современным словарям.

Отметим также неоднократно встретившиеся в тексте диссертации неточности в использовании словарных дефиниций, которые носят, по-видимому, технический характер. Для местоименной формы среднего рода *каково* на с. 82 Николай Сергеевич Александров приводит словарное определение наречия ‘как, каким образом’; для формы *являше* на с. 83 приводится определение, подходящее к соответствующему возвратному глаголу *являтися* ‘открыться, стать явным’; для причастных форм *νῆφοντες* (с. 87), *определено* (с. 98) и для прилагательных *единомудрени*, *единомысленны* (с. 116) приводятся толкования как для существительных; для существительных *установление* (с. 112), *обращение* (с. 137), *принятие* (с. 151) — толкования как для глаголов; для глагольной формы *не ворчите*

(с. 192) — толкование как для существительного и нек. др. В нескольких примерах автор некорректно восстанавливает начальную форму слова: форма *сообразуйтесь* (с. 91) образована от инфинитива *сообразоваться* (не от *сообразовываться*); причастие *уничижен* (с. 168) относится к глаголу *уничижити* (а не *уничижать*), существительное *раждежение* (с. 197) образовано от глагола *раждецися* (не от *раждизати* — *раждизатися*). При анализе слова *принуждение* на с. 207 Николай Сергеевич Александров приводит также круг значений для слова *нужда*, что представляется излишним, как как слово *принуждение* оглагольное и напрямую с существительным *нужда* не связано. Не вполне ясно, почему в некоторых случаях (например, для формы *внимает* на с. 121, для формы *читите* на с. 126 и др.) Николай Сергеевич Александров приводит инфинитив на *-ти*, когда речь идет о лексике современного русского языка.

Сделанные в результате исследования **выводы** вполне соответствуют структуре проведенного анализа. Можно было бы порекомендовать автору сделать обобщения по каждому из рассмотренных переводов в отдельности. Большое количество частных наблюдений, сделанных Николаем Сергеевичем Александровым в исследовательских главах работы, по нашему мнению, вполне позволило бы сгруппировать данные по отдельным переводам, чтобы при подведении итогов исследования нагляднее показать специфику каждого из них.

В целом высказанные замечания не влияют на общую высокую оценку диссертации, которая является значимым вкладом в изучение текстов Священного Писания.

